

Кучуба — 1995 — 11 февр. — С. 4.

Любая пушкинская годовщина — хороший повод оценить мерой гения и прошлое, и настоящее и даже попытаться хотя бы чуть-чуть заглянуть в будущее. Одна из самых высоких оценок универсальности пушкинского гения была дана Гоголем: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет».

Но и Гоголь ошибся. Причем дважды в своих оговорках насчет «может быть». Увы, основоположник «натуральной» школы в русской литературе все-таки недооценил поэта. Теперь применительно к нему уже вполне уместно сказать, что тот — «не может быть», а действительно есть «явление русского духа: это русский человек в его развитии». Через четыре с небольшим года истекает срок, отпущенный Гоголем, но вторая, равная по гениальности, уму и обаянию личность в России так и не появилась.

И сам поэт, и творения его гения — космос, способный вместить в себя целые миры. Пушкин не только поэт, прозаик, драматург и критик, но, например, и историк. О нем, как «своем» (и вполне обоснованно) пишут художники и философы, этнографы и экономисты... Мы позволим себе остановиться лишь на одной исключительно творчески богатой стороне его личности. Порассуждаем об отношении Пушкина к власти и политике, к современным ему государственным деятелям России. Многие из его оценок этого плана, кажется, нисколько не устарели.

Известно, что государственные-политические взгляды и идеалы поэта не оставались неизменными. Следы этой эволюции можно отыскать и в его творчестве, и в фактах его биографии. Отбросив же крайности в оценках политико-государственных взглядов поэта (вплоть до вульгарного признания его революционером и идеологом революции) и не смотря на всю некоторую действительную противоречивость его политических воззрений, с известной долей условности, можно все-таки считать его приверженцем конституционной монархии, ограниченной законом, который должны соблюдать все — и цари, и народы. Вполне четко это выражено еще в юношеской «Вольности», которая заканчивается следующим обращением к царям:

Склонитесь первые главы
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей
Трона
Народов вольность и покой.

Личный же опыт общения поэта с носителями государственной власти в первый период его сознательной жизни, как известно, вряд ли можно назвать удачным. Александр I намеревался «упечь» его в Сибирь, и лишь заступничество Карамзина и Жуковского спасло от этого, предполагае-

мая кара была заменена кн-шиневской ссылкой.

Через несколько лет тот же царь изменил ссыльный «режим» на более тяжелый, выслал поэта из южной Одессы в северное Михайловское. Очевидно, что у поэта были и личные мотивы неприязни к императору, и он этого не скрывал (по крайней мере от друзей и в знаменитых эпиграммах). Естественно, что ссыльный поэт был далеко от государственной «кухни» и в то время не общался с царскими сановниками. Личный опыт «хождения поэта во власть» начался по инициативе царя.

Иногда в литературоведении необоснованно утверждается, что Николай (да и непосредственно занимавшийся поэтом Бенкендорф) не способны были оценить поэта, его значение, видели в нем лишь мелкого чиновника. Нет. Знали, понимали, ценили — все, разумеется, по-своему.

Именно поняв это, Николай резко изменил судьбу поэта, не только вызволив его из глуши михайловских лесов и назвав его «умнейшим в России человеком», но и тем, что привлек его непосредственно к государственным делам. Молодой царь заказал ему написания «Записки о народном воспитании», то есть, по нынешним понятиям, привлек его в свои советники.

Пушкин с оптимизмом и благодарностью (последнее по-человечески вполне объяснимо) воспринял эти знаки монаршего внимания. Вспомним хотя бы его «Стансы», в которых автор сравнивает нового царя с Петром I. Есть и другие свидетельства этому. Так в июне 1827 г. Бенкендорф докладывал Николаю: «Пушкин после свидания со мной говорил в английском клубе с восторгом о Вашем Величестве и заставил лиц, обедавших с ним, пить за здоровье Вашего Величества. Он все-таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и

речи, то это будет выгодно». Так что действительно и знали, и ценили. Надежды, однако, как самого поэта, так и Николая с Бенкендорфом оказались, как известно, напрасными. Спустя семь лет тесного общения со своим личным цензором тот «возвел» его в камер-юнкерское придворное звание. По самолюбию поэта был нанесен сильнейший удар, хотя новые придворные обязанности заметно приблизили поэта к «коридорам власти».

21 мая 1834 г. он делает следующую дневниковую запись: «Тому недели две получено здесь известие о смерти кн. Кочубея (председатель Госу-

на волне передела власти к ней пришло немало людей, отличающихся наглостью, нахрапистостью, уверенностью в себе настолько, насколько всегда уверены в себе серость и посредственность. То же военное ведомство имеет яркие фигуры, обладающие и глубоким военным образованием, и таким же военным опытом, в том числе и боевым. Однако предпочтение отдано другим генералам — Грачеву, Бурлакову. За какие заслуги? Лишь слепой не увидит крайне низкий уровень ведения боевых операций нашими военачальниками в Чечне. Но военный министр так уверен в поддержке его Президентом, что от-

ном серьезе приводя доказательства этого. Типа — первый этап приватизации успешно завершен! Соглашусь и с этим, если, дорогой читатель, найдете мне человека, который бы сказал, какое полагающееся ему на ваучер государственное имущество он «приватизировал»?

Удивляемся успеху Жириновского на последних парламентских выборах, обижаемся за демократического Гайдара. Но неужели надо быть пророком, чтобы предсказать, что нет у этого демократического реформатора никаких шансов на победу и на новых выборах. Нет, потому что не будут за него голосовать те, кого он

человек решительный, и в этом ему не откажешь) и личная ему же преданность. По этому признаку подбиралось первое кольцо его окружения. А оно, будучи решительным и преданным, но зачастую серым, и на пушечный выстрел не подпускало талантливых людей во второй ярус государственной власти. Те (вторые) искали себе подобных для третьего и т. д., и т. п. Где уж тут демократия! Столь раздутого бюрократического аппарата и во сне не виделось партократам бывшего Советского Союза.

А решение начать войну, которая уже привела к гибели тысяч российских граждан

нем не стала ясна смешная жестокость войны, так же, как им стало ясно рабство, королевская власть и т. п.... Что касается великих страстей и великих воинских талантов, для этого останется гильотина, ибо общество вовсе не склонно любоваться великими замыслами победоносного генерала: у людей довольно других забот, и только ради этого они поставили себя под защиту закона».

Но никто не понес никакой ответственности за варварские бомбардировки во Вьетнаме и Афганистане. Не явятся же нынешние виновные в подобных действиях с повинной? Так что на этом и заканчиваются все «демократические» трудности Президента и его ближайшего окружения. Что уж тут говорить о «слезе ребенка»? Это об отсутствии демократического в главном. Кто бы сказал Президенту, что на «электрорат» действуют и мелочи. Действуют активно отрицательно. Типа постоянных заявлений по телевидению: «Я сказал!» с подчеркнутым ударением на последнем слоге.

21 июня 1834 г. Пушкин написал в дневнике: «Кто-то сказал о государе: «В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого». Согласитесь, что это замечание в последнее время становится все более актуальным.

Отмеченная Пушкиным бедность России в государственных людях относится и к лидерам демократических партий и движений. Проигравшие вновь начинают предвыборную борьбу. Сокрушительный удар на последних выборах получил Движение демократических реформ, у истоков которого стояли такие колоритные, яркие фигуры, как Гавриил Попов, Александр Яковлев, Анатолий Собчак. Да, яркие. Да только общественному (а в перспективе — государственному) деятелю нужны и другие качества.

Избиратели среднего и пожилого возраста силились вспомнить, что заметного и полезного для москвичей сделал, к примеру, Попов в бытность его председателем Моссовета и мэром Москвы. Помнили, что в первую осень он обещал завезти на следующий год Москву астраханскими помидорами (не получилось). Помнили возведение «демократических» таможенных границ вокруг Москвы и как это аукнулось москвичам, помнили продовольственные «визитки» и талоны. Очень хорошо помнили

его зимние купания в проруби. Но можно ли с таким «багажом» рассчитывать на победу в очередных выборах?

В отличие от закаленных в политических битвах «бойцов» и отцов-основателей ДДР могу заявить, что их суета с предвыборными заботами — зряшная. Во-первых, по причине того, что никаких выборов не будет. Они не нужны ни Президенту, ни Черномырдину, ни Шумейко, ни Рыбкину, ни министрам, а тем более их аппарату, ни большинству депутатов Государственной думы. А раз не нужны, то их и не будет. Поправки же к Конституции у нас — дело второстепенное.

Но есть и другая причина. Более глубокая. Опять-таки обозначенная Пушкиным «бедность России в государственных людях» (или спрос на них, что, наверное, более точно). «Балаганы» съездов нардепов, Верховных Советов и Государственной думы останутся таковыми еще надолго. Уже вставшие или способные встать в оппозицию Президенту — это чаще всего его, в принципе, бывшие соратники, уже побывавшие у власти и по тем или иным причинам ее лишившиеся, а главное, ничем себя, кроме непомерных амбиций, не проявившие (те же старовитовы, бурбулисы, станкевичи, мурашовы...). Скорее всего на антипрезидентской и антиправительственной критике они опять постараются набрать очки.

Мы тоже за критику высших эшелонов власти, но попросили бы этих господ не суетиться. Они в очередной раз способны лишь дискредитировать демократическое движение своей суетой и практической немощью. Скорее всего будущее — за поколением людей типа нижегородского губернатора Бориса Немцова, то есть, с одной стороны, тех, чье сознание не замутнено пребыванием в цеховских и обкомовских кабинетах, а с другой, на деле пытающихся (и безуспешно) воплощать рыночные идеи в рыночную действительность, набивающие на этом «шишки», но и приобретающие неоценимый опыт. Будущее за ними. Ну а задача «электрората», или, проще, избирателя, — научиться отличать краснабеев от истинно деловых и по-деловому способных людей.

А. НАУМОВ,

доктор юридических наук,
зав. сектором Института
государства и права РАН.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Поэт и власть

дарственного совета и Комитета министров, государственный канцлер по делам внутреннего гражданского управления. — Прим. авт.). Оно произвело сильное действие: государь был неутешен. Новые министры повесили голову. Казалось, смерть такого ничтожного человека не должна была сделать никакого переворота в течении дел. Но такова бедность России в государственных людях, что и Кочубея нечем заменить!».

Увы, «бедность России в государственных людях» — недостаток, присущий не только николаевской эпохе. Это какое-то настоящее проклятие, периодически висящее над нашей страной. Начнем с военного ведомства. Вспомним судьбу наших полководцев — Суворова, Кутузова, Жукова. Каждый из них попадал в опалу и немилость, так как частенько нужные были не они, а ворошиловы и булганины, потому что нужны были не талант, а серость и преданность власти имущим.

Такое в истории России было нередко. Однако нынешнего уровня серости многих причастных к власти, ставшего возможным после августа 1991 г., пожалуй, не было никогда. После тех августовских событий старый воин, дипломат и общественный деятель Александр Яковлев предупредил о том, что к власти может прийти «шпана».

кровенно заявляет об этом с экрана телевизора.

Ведомство внешнеполитическое. Понадобилось четыре года для того, чтобы и его руководство поняло, что главное для наших реформ — это не США и даже не Европа. Главное — бывшие республики Советского Союза. Главное не в Нью-Йорке или Брюсселе, а в Киеве, Минске, Алма-Ате... Главное было в предотвращении разрыва экономических связей, а теперь, увы, в их восстановлении. Через четыре года это дошло и до главы МИДа.

Поддержка же бомбардировок мирного населения в Чечне лишила постсоветскую Россию так желаемой мидовским ведомством поддержки Запада. Сейчас говорится, что его помощь не так уж и важна. Так чему же тогда отдавалось предпочтение все эти четыре года? И не следует ли в связи с этим честно признаться, что МИДа не удалось вовремя правильно определить приоритеты внешней политики, которые в период таких реформ предельно просты, — обслуживание внутренних интересов России.

Первые лица, отвечающие за экономические реформы (премьер, вице-премьеры, министры), все время напевают одну и ту же утесовскую мелодию (в отличие от всенародного эстрадного любимца вполне всерьез) — «Все хорошо, прекрасная маркиза!», на пол-

из собственников (имеющих, например, на сберкнижке деньги на машину или квартиру) превратил в нищих, открыто отняв у них принадлежащее им имущество (на языке уголовного закона это называется грабежом) для того, чтобы создать класс новых (других!) собственников. Не будут за него голосовать и настоящие предприниматели, так как никакой поддержки предпринимателю — производителю не было и нет, а было и есть удручение его налогами.

И ведь все в теории верно. Монетаризм. Приватизация. Либерализация внешнеполитической деятельности. Да, да. Да. Весь вопрос в том, как это сделать? И как тут не вспомнить претензии, предъявленные Пушкиным, нашей Екатерине (Второй), — «важные ошибки ее в политической экономии». Увы, реформы 1992 г. создали не Путиловых и Рябушинских, а «новых русских», наживших состояния исключительно на спекулятивно-коммерческих сделках и вкладывающих свои капиталы вовсе не в производство (ну какой же дурак в наших условиях будет сам себя разорять?).

«Короля делает его окружение» — очень одностороннее суждение. Вначале Ельцин сам сделал свое окружение. Сделал по своему образцу и подобию. Два главных качества «особо ценились им — решительность человека (он сам

и легла тяжким бременем на плечи народа? Проблема Чечни обосновывается ссылкой на крайнюю необходимость. Да, конечно, бомбаркетные удары по городским кварталам Грозного, по селам и станциям, погибшие при этом и раненые мирные жители, в том числе и русские, — это «нехорошо», но, видите ли, другого выхода не было. По двум причинам: во-первых, по причине необходимости сохранения хотя бы и федеративной, но тем не менее «единой и неделимой» России; во-вторых, в Чечне криминальный режим, разгул преступности и военные действия (в том числе и бомбаркетные удары) были необходимы, чтобы защитить народ Чечни от вооруженных бандитов.

Сказать надо однозначно: увы, все это есть воплощение в нашей сегодняшней жизни несколько не устаревшего принципа, изобретенного еще «гениальным» вдохновителем всех побед советского народа, — «лес рубят — щепки летят». Правда, Сталин додумался до операции по депортации некоторых кавказских народов, но ему не пришлось в голову, что операцию можно было провести иначе, ограничившись бомбежкой населенных пунктов, в которых проживали депортируемые.

Кстати говоря, Пушкин в 1821 году писал: «Не может быть, чтобы людям со време-